TIL BILIMI HÁM ÁDEBIYATTANÍW

Til bilimi

РУС ВА ЎЗБЕК ТИЛЛАРИДАГИ ОТ ВА СИФАТЛАРНИНГ ЛИНГВИСТИК ҚИЁШЛАНИШИ

Амиркулова Зебинисо Мустафакуловна – *филология фанлари номзоди, доцент*
zebuniso.amirkulova@mail.ru
Термиз иқтисодиёт ва сервис университети

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Амиркулова Зебунисо Мустафакуловна – *кандидат филологических наук, доцент*
Термезский университет экономики и сервиса

LINGUISTIC COMPARISONS OF NOUNS ADJECTIVES IN THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Amirkulova Zebuniso Mustafakulovna – *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Termez University of Economics and Service

Таянч сўзлар: тилшунослик, морфология, грамматика, типология, феъл, сифат.

Резюме. Мақолада рус ва ўзбек тилларининг грамматик тизимлари, жумладан, морфологик тизимлари таҳлил қилинади.Шунингдек, ўзбек ва рус тилидаги от сўз туркумидаги ва сифат сўз туркумидаги сўзларнинг ўхшаш ва ноўхшаш жиҳатлари қиёслаб ўрганилади.

. **Ключевые слова:** лингвистика, морфология, грамматика, типология, глагол, имя прилагательное.

Резюме. В статье обсуждена грамматические, в том числе морфологические системы русского и узбекского языка Кроме того, в рамках сравнительного исследования рассматриваются сходства и различия между именами существительными и именами прилагательными в узбекском и русском языках.

Key words: lingvistic,frazeologic,grammatic,verb,uzbek language,russion language.

Summary. The article in given exspression made fromverba meaning in uzbek and russion language. Furthermore, the similarities and differences between nouns and adjectives in the Uzbek and Russian languages are examined through a comparative study.

Введение. Как известно, полноценная деятельность человека в современном обществе, включая и национальная языковая картина мира складывается в течение веков в соответствии с историческим процессом становления данной нации и несет в себе отпечатки историко-культурных, географических и др. экстралингвистических факторов, в то же время она в значительной мере зависит от типа языка. В собственно языковом плане языковая картина мира обеспечивается взаимодействием всех ярусов языка, однако особую роль в этом играют лексический ярусы.

Контрастивная лингвистика (конфронтативная лингвистика, сопоставительная лингвистика) – направление исследований общего языкознания, интенсивно развивающееся с 50-х гг. 20 в. Целью контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры [1:105].

Ранними источниками контрастивной лингвистики можно считать наблюдения над отличиями чужого (иностранного) языка по сравнению с родным, которые нашли свое отражение в грамматиках, публиковавшихся в различных странах (в Западной Европе особенно активно – начиная с эпохи Возрождения), и работы по типологическому сравнению неродственных языков, проводившиеся в связи с задачами типологической (морфологической) классификации языков. Как правило, контрастивная лингвистика оперирует материалами на синхронном срезе языка. Видимо, в контрастивных исследованиях главное внимание должно уделяться специфическим чертам сравниваемых языков на основе некоторого набора общеязыковых явлений» [2:266].

Анализ литературы и методология. Общепризнанным в настоящее время является положение о том, что контрастивная лингвистика как новое направление возникла на стыке структурной типологии и лингводидактики (методики), однако остается дискуссионным вопрос о ее соотношении с сопоставительной лингвистикой, которая в свое время отпочковалась от сравнительно-исторического языкознания как синхронная дисциплина, изучающая языки в сопоставлении независимо от наличия или отсутствия генетического родства. С нашей точки зрения, сопоставительное языкознание является более широким и общим направлением, а контрастивная лингвистика может рассматриваться как ее раздел, в котором акцентируется внимание не просто на сходствах и различиях языков, а на их типологических контрастах.

Как отмечается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», «в количественном отношении работы по различным уровням языка распределены неравномерно: больше всего – по контрастивной грамматике (включая словообразование), меньше – по контрастивной фонологии, еще меньше – по контрастивному сравнению лексических систем…» [2:2170]. Недостаточно изучена в контрастивном аспекте и фразеология.

Агглютинативные языки «Г.П.Мельников называет языками с формальными коллекционными единицами стратификации. От изолирующих они отличаются тем, что имеют специальные служебные морфемы, которые расходуются очень экономно узбекские слова как бы собираются каждый раз из стабильных как в семантическом, так и в формальном отношении корневой морфемы и преимущественно посткорневых аффиксов;

морфонологические преобразования для узбекского словообразования и словоизменения не характерны» [2:2170].

Самым важным в аспекте типологического контраста является «набор» грамматических категорий, характерных для того или иного языка. Само наличие или отсутствие тех или иных грамматических категорий является яркой типологической характеристикой данного языка и во многом определяет специфику организации его лексического состава. Однако следует отметить, что специфика лексических систем различных языков во многом определяется не только спецификой организации грамматических систем, прежде всего системой грамматических категорий и спецификой способов выражения грамматических значений, но и спецификой словообразовательных категорий.

Существительные русского языка обладают грамматическими категориями рода, числа, падежа, одушевленности-неодушевленности. Существительные узбекского языка обладают категориями числа, падежа, принадлежности и лица-нелица.

Анализ и результаты. Русский и узбекский языки как языки неродственные и разносистемные характеризуются обилием контрастов не только на морфологическом, но и на словообразовательном уровне. И русский, и узбекский языки являются языками с развитыми системами именного словообразования, однако соотношение непроизводных и производных слов, типы их мотивации в каждом языке неодинаковы, что предопределяется языковой детерминантой (ведущей типологической тенденцией) каждого языка. Так, вследствие отсутствия в узбекском языке категорий рода и одушевленности отсутствуют и категории женскости (ср. в русском языке, например: учительница, ученица, красавица, царица, лентяйка, певунья, плясунья.) и невзрослости (детеныш, барчук, поваренок, пастушонок, казачонок, мышонок, слоненок, змееныш).

Система обозначения лица в русском языке резко контрастирует с соответствующей системой узбекского языка, в котором в связи с отсутствием категории рода отсутствует и регулярная парность имен лиц мужского и женского пола, выражаемая словообразовательными средствами. В этом отношении немногочисленные пары однокоренных лексем наподобие илох «языческий бог» – илоха «языческая богиня», адиб – адиба, шоир – шоира, муаллим – муаллима, мархум – мархума, сохиб – сохиба.

Внешне они напоминают корреляции русского языка кум – кума, супруг – супруга, учитель – учительница, однако специфика языковой картины мира узбекского языка заключается в том, что дифференциация лиц по полу проводится, «минуя» категорию рода. В русском же языке в области личных имен «род-пол» представляют собой пару сопряженных признаков в сознании носителей языка. При этом важно отметить, что категория рода – не единственный способ выражения гендерных отношений в разных языках. В узбекском языке нет категории одушевленности/неодушевленности, но существует категория лица/нелица, значит, можно говорить о делении существительных на личные и неличные. В данном языке отсутствует также деление существительных по грамматическому роду, хотя выражение различий по полу присутствует в семантике многих личных существительных, как и в других языках, ср. пары ота – она, эркак – хотин, ўғил – қиз и другие.

Своеобразие прилагательных русского языка выявляется при сопоставлении с прилагательными тюркских языков, в частности, узбекского языка. С одной стороны, категориальная семантика прилагательных русского и узбекского языков и ее разбиение во многом совпадают, что проявляется, в частности, в антонимических парах. «Сравнение. антонимы разных частей речи в русском и узбекском языках. Имена прилагательные: хороший – плохой (узб. яхши – ёмон), полезный – бесполезный (узб. фойдали – бефойда); глупый – умный (узб. тумтоқ – аклли), бездарный – талантливый (узб. қобилиятсиз – истеъдодли), добрый – злой (узб. раҳмдил – баттол), нежный – грубый (узб. нозик – дағал), храбрый – трусливый (узб. ботир – қўрқоқ), веселый – грустный (узб. шод – ғамгин), забывчивый – памятливый (узб. унутувчан – зеҳнли), твердый – мягкий (узб. қаттиқ – юмшоқ), горячий – холодный (узб. иссиқ – совуқ), мокрый – сухой (узб. ҳўл – қуруқ), сладкий – горький (узб. ширин – аччиқ), большой – маленький (узб. катта – кичкина)» [4:736].

Прилагательные узбекского языка являются неизменяемыми. Однако мы не согласны со следующей точкой зрения: «В русском языке прилагательное зависит от существительного, в узбекском языке это независимая часть речи». И в русском, и в узбекском, и в других языках прилагательное, выполняющее роль определения существительного – это семантически и функционально зависимая от существительного часть речи. С другой стороны, место прилагательных в общей системе частей речи русского и узбекского языков совершенно различно. Прилагательные русского языка выступают как четко оформленный грамматический класс, характеризуемый категориями рода, числа, падежа, сравнения, собственной системой склонения, согласованием с именами существительными [3:134].

Прилагательные узбекского морфологически языка проявляют своеобразный синкретизм с именами существительными, причем существительное нередко употребляется в роли прилагательного, например: тош уй – каменный дом, пўлат пичоқ – стальной нож, нон махсуслари – хлебные изделия. И напротив, прилагательное нередко субстантивируется, например: пакана – малорослый, низкорослый; карлик. Процесс субстантивации прилагательных русского языка более сложен, в нем флексия по сути играет роль словообразовательного аффикса, например: белый, белая, белое, белые > белый (сущ. со значением лица муж. рода). Типологические контрасты пронизывают и морфемику, и словообразование сопоставляемых языков, однако это требует рассмотрения в отдельных статьях.

В свою очередь, резко контрастной по отношению к русскому языку является категория принадлежности, например: акам, аканг, акаси.

Определенное состояние имени существительного обозначается с помощью:

1) грамматических средств, обслуживающих категорию принадлежности: китобимиз, бизнинг китобимиз, бизнинг китоб;

2) определений, выраженных: а) указательными местоимениями и другими их разрядами, используе-

мыми в определительной функции; б) именем прилагательным на -даги, в) именем прилагательным в превосходной степени;

3) лексического значения слова; к числу слов, определенность которых проявляется в их лексическом значении, относятся имена существительные собственные, а также личные, указательные и вопросительные (ким, нима) местоимения;

Заключение. Таким образом, А.Н.Кононов признает наличие в узбекском языке неопределенного артикля (лексема бир в одном из значений) и неопределенного, который совпадает с аффиксом принадлежности 3-го лица -и(-си), один из артиклей является препозитивным, а другой постпозитивным. Категория принадлежности узбекского языка является одним из средств выражения детерминативности.

Категории принадлежности, лица-нелица и неопределенности активно участвуют в оформлении именных фразеологизмов.

В области имен прилагательных основной чертой контраста узбекского языка является неизменяемость прилагательных.

Литература

1. Абдуазизов А.А., Зализняк А.М., Шереметьева А.Г. Общее языкознание. Учебное пособие для филологических факультетов. – Ташкент: НУУз, 2012.

2. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: «Директ-Медиа», 2008.

3. Талипова Р. Т. Сопоставительный курс грамматики русского и узбекского языков (для самостоятельного изучения). – Ташкент: «Chashma print», 2009.

4. Томчани Л. В. Типологические контрасты русского и узбекского языков в методическом аспекте. // Молодой ученый, 2017, № 14. – С. 736-738.